

С.А. Кропачев*

Демографическое развитие российских этносов в 1920-е гг.

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп в РСФСР в 1920-е гг. Рассматриваются вопросы перехода страны к мирной жизни после окончания гражданской войны и то, как это повлияло на динамику народонаселения. Автор рассматривает особенности административно-территориального деления России и динамику развития почти 200 этносов, существовавших тогда в стране. Анализируются вопросы продолжительности жизни, смертности, семейно-брачных отношений, грамотности и верований различных этносов. Подчеркиваются консервация традиционных укладов жизни народов и сохранение укоренившихся типов воспроизводства населения в условиях смягчения экзогенных факторов.

Ключевые слова: демография, этносы, Россия, РСФСР, 1920-е гг., административно-территориальное деление

S.A. Kropachev

Demographic development of Russian ethnic groups in the 1920s

The article analyzes the demographic development of Nations, nationalities and tribal groups in the RSFSR in the 1920s. The article deals with the country's transition to peaceful life after the end of the civil war and how this affected the population dynamics. The author examines the features of the administrative-territorial division of Russia and the dynamics of the development of almost 200 ethnic groups that existed in the country at that time. The questions of life expectancy, mortality, family and marriage relations, literacy and beliefs of various ethnic groups are analyzed. The preservation of traditional ways of life of peoples and the preservation of entrenched types of population reproduction in the conditions of mitigation of exogenous factors is emphasized.

Key word: demographics, ethnic groups, Russia, RSFSR, 1920s, administrative division

Статья посвящена анализу демографического развития наций, народностей и племенных групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг. Хронологические рамки статьи охватывают период с конца 1920 г., когда закончился основной период гражданской войны** [1], до 1929 г., названного Сталиным «годом великого перелома». В 1920-е гг. власть вынуждена была отказаться от губительной политики «военного коммунизма» и перейти к более лояльной по отношению к народу новой экономической политике. Серьезные авторы называют этот короткий период «эрой умиротворения» и «золотым веком» советской демографии [2]. Согласимся с этими оценками с оговорками. Во-первых, не все демографические проблемы предыдущего кризисного периода (1914–1921 гг.) были преодолены.

* **Кропачев Сергей Александрович** (Москва) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, iriran@mail.ru

** Как известно, осенью 1920 г. гражданская война закончилась, большинство ее фронтов было ликвидировано. Начался медленный переход к мирной жизни, который прерывался в 1921 г. многочисленными мятежами на Тамбовщине, в Сибири, на Северном Кавказе, Украине и других местах. В ноябре 1922 г. в состав РСФСР вошла Дальне-Восточная республика (ДВР), завершился длительный период войны с белым движением и японскими интервентами, а борьба с басмачеством в Средней Азии продолжилась до начала 1930-х гг.

Во-вторых, страшный голод, разразившийся в 1921–1922 гг. в Поволжье, Северном Кавказе, юге Украины, Казахстане унес миллионы человеческих жизней* [3].

Тем не менее страна возрождалась. Этому способствовала демобилизация Красной Армии. Численность личного состава Вооруженных Сил РСФСР за вторую половину 1921 г. сократилась на 650 тыс. чел. [4]. Это были мужчины в активном, репродуктивном возрасте. Воссоединение семей, а также восстановление крестьянской общины с ее регулярными земельными переделами по количеству едоков, привели к повышению уровня рождаемости [5]. С 1923 по 1928 г. в СССР (прежде всего, в сельской местности** [6]) общий коэффициент деторождения был очень высоким и варьировался от 45,3 до 49 % [7]. По утверждению В.А. Исупова, «в советской деревне в годы нэпа был достигнут предел рождаемости, ограниченный только физиологическими возможностями женского организма» [8].

Признаками перехода к мирной жизни стали преодоление разрухи и последствий Первой мировой, Гражданской войн, интервенции, резкое увеличение производства продуктов питания, товаров первой необходимости, медикаментов. Всё это вело к повышению благосостояния и росту качества жизни в СССР.

Формировалась система бесплатного государственного медицинского обеспечения. Значительно улучшилась эпидемиологическая обстановка в стране. Были побеждены пандемии*** и эпидемии, свирепствовавшие в годы Гражданской войны**** [10; 11]. Однако острые инфекционные и желудочно-кишечные болезни в середине – второй половине 1920-х гг. продолжали оставаться повседневным явлением [12].

В связи с улучшением внешних факторов, в значительной степени влиявших на демографические процессы, в стране сократилась смертность. Общий коэффициент смертности населения СССР составлял во второй половине 1920-х – 1930 гг. от 25 до 27 %, что было меньше не только по отношению к периоду Гражданской войны, но и благополучному довоенному 1913 г. [13]. В Российской империи очень высокой была младенческая смертность. В 1913 на первом году жизни умирало 269 из каждой тысячи родившихся [14]. За весьма короткий срок в СССР добились резкого снижения детской смертности, что говорит о позитивных социальных изменениях в стране и успехах советского здравоохранения. Если в 1920 г. в СССР из каждой тысячи новорожденных умер, не дожив до года, 251 младенец, то в 1923 г. – 229, в 1926 г. – 197, в 1927–1928 гг. – 182 новорожденных. Таким образом, за 1920–1928 гг. коэффициент младенческой смертности в Советском Союзе уменьшился на 27,5 % [15]. В России в эти годы показатели детской смертности были выше общесоюзного. Так, в 1930 г. в РСФСР умирали 227 младенцев на 1000 родившихся [16]. Но в целом успехи в борьбе с детской смертностью в первые десять лет после окончания Гражданской войны были весьма внушительными.

* В 1922 г. голод достиг своей высшей точки в пределах бывшей Российской империи или будущего СССР. Число голодавших доходило до 30 млн. чел. Амплитуда оценок погибших от голода колеблется от 1 млн. (что маловероятно при десятках миллионов голодавших) до 5 млн. чел. Последнюю цифру многие историки и демографы считают завышенной.

** По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. в сельской местности проживало 82,1 % жителей страны.

*** Пандемия – термин, который, к сожалению, спустя сто лет, снова вошел в наш лексикон.

**** В 1918–1922 гг. в стране от пандемии испанского гриппа (в народе говорили «спанка»), сыпного («сыпняк»), возвратного и брюшного тифа, дизентерии, малярии и других острых инфекционных болезней погибло от 5 до 7 млн. чел. Исследователь С. Адамец в работе, вышедшей в Париже, в 2003 г., отмечает, что «за 1918–1922 годы двенадцать эпидемических и паразитарных болезней (сыпной тиф, брюшной тиф, возвратный тиф, неопределенный тиф, оспа, дифтерия, холера, малярия, дизентерия, корь, скарлатина и коклюш) обусловили около 9 млн. смертей, в том числе почти 4 млн. от сыпного тифа, около 1,5 млн. – от других видов тифа, 2,5 млн. – от малярии, более полумиллиона – от дизентерии». Удивительно, но признанные авторы (Е.З. Волков, В.А. Исупов, С. Адамец и др.) в своих выводах не приводят статистику смертности в 1918 г. от испанского гриппа.

Переход к мирной жизни, смягчение экзогенных факторов, восстановление социальной инфраструктуры, снижение общих коэффициентов смертности населения СССР и России, в том числе сокращение детской смертности, привели к увеличению ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1920 г. в России она в среднем составляла (у мужчин и женщин) 20,5 лет, то в 1926–1927 гг. – 37,5 лет [17]. Это было значительно ниже, чем в США, Японии и развитых странах Европы* [18], но за неполных десять лет произошел серьезный скачок. Глобальным следствием позитивных изменений в СССР стал естественный прирост населения. В годы нэпа (1923–1928 гг.) коэффициент естественного прироста населения Советского Союза составлял от 17,9 до 21,4 %. Ежегодно население страны в этот период увеличивалось в среднем на 3 млн. чел. [19]. К сожалению, 1920-е гг. стали коротким периодом относительной демографической стабильности, который скоро сменился глубоким кризисом 1930–1940-х гг. и снижением основных характеристик народонаселения.

Демографическое благополучнее 1920-х гг. по-разному повлияло на жизнь, быт, уклад, поведение и здоровье народов, населявших РСФСР. В 1926 г. в СССР была проведена Всесоюзная перепись населения, которая, по мнению большинства специалистов, стала лучшей в советское время. Согласно переписи на конец 1926 г. в СССР проживало 146 989 460 чел., в самой крупной союзной республике – РСФСР – соответственно 100 857 985 чел. [20]. В Российскую Федерацию входило 11 автономных советских социалистических республик: Карельская, Башкирская, Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Крымская, Дагестанская, Казахская**, Киргизская, Бурят-Монгольская и Якутская. В нее также входило 13 автономных областей: Коми (Зырянская), Вотская (переименованная позднее в Удмуртскую АССР), Марийская, Калмыцкая, Адыгейско-Черкесская, Ингушская, Кабардино-Балкарская, Карачаевская, Северо-Осетинская, Черкесская, Чеченская, Ойратская*** и Кара-Калпакская область (входившая в состав Казахской АССР).

В РСФСР также входили три края – Дальне-Восточный (с о. Сахалин и полуостровом Камчатка), Сибирский и Северо-Кавказский, а также Уральская область, делившиеся на округа в качестве административных единиц (Хакассия входила в Сибирский край в качестве округа, а не автономной области как, например, Горно-Алтайская) [21]. Кроме того, в состав краев входили автономные области, а на Северном Кавказе и автономные города (Владикавказ и Грозный) [22]. В Российской Федерации насчитывалось 32 губернии (будущие области).

Мы видим пеструю картину административно-территориального деления России в середине 1920-х гг. Такой же разнообразной была этническая карта республики. Для Всесоюзной переписи населения 1926 г. Комиссией по изучению племенного состава населения Академии наук СССР был составлен «Перечень и словарь народностей», на основе которого анализировались данные переписи о народностях и языках [23]. В «Перечне...» все этнические группы, входившие в состав наций и народностей, учитывались как самостоятельные, даже если насчитывали сотни или десятки человек. В дальнейших переписях 1937 и 1939 гг. были взяты за основу крупные нации и народности, поэтому число этнических групп в них меньше примерно в два раза, чем в 1926 г. (Так, в «Словаре народностей» 1937 г. к грузинам присоединены сваны и менгрелы, к татарам – бухарцы и кряшены; к узбекам – ферганские тюрки и курама; к якутам – долганы; к армянам – хемшины; ойроты объединили в себе собственно ойротов, алтайцев, черных (черневых) татар, телеутов, талышей) [24].

В перечне народностей 1926 г. (вышел отдельной брошюрой в 1927 г.) было указано 187 этнических единиц, семь из которых переписью не были зарегистрированы [25]. Важным требованием

* Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между Россией и развитыми странами, такими как США, Франция, Швеция, Япония, в XX в. всегда был значительным. Так, в 1938–1939 гг., по официальным оценкам, возможно завышенным, ожидаемая продолжительность жизни в России составила в среднем 43 года (40 лет у мужчин и 46 лет у женщин). В те же годы во Франции она достигла 59 лет, а в США превысила 63 года.

** В документах тех лет встречается написание Казакская АССР. С 1925 г. утвердилось наименование «казахи», но часто написание было неточным – «казаки». Правильная транскрипция укоренилась в 1930-е гг.

*** Иное написание – Ойротская (Горно-Алтайская) автономная область.

переписи было положение, по которому опрашиваемый самостоятельно определял свою принадлежность к тому или иному народу. Инструкция предписывала, что «при записи не следует перекладывать показания опрашиваемого» [26]. Это же относилось и к языку. Не всегда принадлежность к этносу совпадала с принадлежностью к данному языку как родному [27].

Перепись 1926 г. зафиксировала на территории СССР около 200 этнических единиц (Ю.А. Поляков и В.Б. Жиромская в своих работах называли соответственно 194 и 195 народностей [28]). Более точную цифру назвать трудно. Во-первых, в основном издании итогов переписи, в отличие от Кратких сводок, вышедших ранее, некоторые этнические группы с очень малым числом представителей (как это в дальнейшем будет в 1937 и 1939 гг.) присоединены, «в целях экономии места», к более крупным родственным группам [29]. Во-вторых, в Кратких сводках содержатся данные о двух группах народностей («Прочие народности» и «Народность не указана»), в которых насчитывалось соответственно 8 381 и 90 199 чел. Но определить какие этнические единицы вошли в эти группы не представляется возможным. Кроме того, перепись 1926 г. выявила 389 989 иностранцев (надо полагать, иностранных подданных), которые вошли в общее число жителей СССР в 1926 г. [30].

Итак, 200 этносов! Нельзя не согласиться с академиком Ю.А. Поляковым в том, что «такое количество наций, народностей, этногрупп в составе одной страны – уникальное явление, не имеющее аналогов в истории нового времени» [31]. Большинство из этносов (более 90 %), проживавших в 1926 г. на территории СССР, были зафиксированы переписью и на территории России, за исключением десятка немногочисленных этнических групп (ираны, джемшиды, хазара, белуджи и др.) [32].

В 1920-е гг. многочисленные народы России находились на разных уровнях своего экономического, политического, социального, культурного развития. Академик Ю.А. Поляков выделил следующие стадии развития различных народов в начале 1920-х гг.:

- капитализм;
- феодализм;
- родо-племенной строй;
- патриархально-родовой строй.

Существенные отличия в своем развитии этносы имели не только между собой, но один и тот же народ мог находиться на различных стадиях эволюции на территории одной страны в одно и то же время [33].

Государствообразующей, основной национальностью в 1920-е гг. в РСФСР были русские. Их по данным переписи 1926 г. в республике проживало 74 042 тыс. чел., или 73,4 % от общего числа жителей [34]. Из них в городах – 14,6 млн., сельской местности – 59,4 млн. чел. [35]. Русский был родным языком для 77 840 тыс., или 77,2 % населения [36]. Русские (иногда в документах тех лет писали – великоруссы) проживали на всей территории республики. Наиболее высокий их процент был сосредоточен в центральных районах европейской части Российской Федерации (Промышленный, Черноземный, Западный, Северный районы и др.) [37]. Десятки этнических групп, проживавших в РСФСР в 1920-е гг., насчитывали 100 тыс. и более человек, или 0,1 % и более от общей численности жителей республики. Вслед за русскими самыми крупными народами являлись украинцы – 7.873 тыс., татары, включая крымских татар – 2.846 тыс. (без родственных народов – мишарей, тептярей, нагайбаков, кряшенов), мордва – 1.335 тыс., чуваша – 1.115 тыс., немцы – 806 тыс., башкиры – 713 тыс., белорусы – 638 тыс., евреи (включая крымских и горских) – 589 тыс., вотяки (удмурты) – 504 тыс., марийцы – 428 тыс., чечены* – 318 тыс., карелы – 248 тыс., финны ленинградские (включая категорию «финны») – 241 тыс., зыряне (коми) – 221 тыс., поляки – 198 тыс., эсты (эстонцы) – 150 тыс. и др. [38]. Как известно, в РСФСР в 1920-е гг. в качестве автономных республик входили Казахстан и Киргизия. Соответственно, в России насчитывалось 3 852 тыс. казахов и 672 тыс. киргизов [39]. Распределение этносов по территории республики в эти годы подробно описано в исторической литературе [40].

* Так в источнике.

Русские и русский язык в качестве родного преобладали в большинстве субъектов республики. Соответственно их влияние на другие народы в культурном, языковом, ментальном, значительно реже – в религиозном аспектах, было очень велико. В стране шли процессы ассимиляции и этнической интеграции в пользу русского народа и русского языка.

Но не везде в 1920-е гг. русские составляли большинство населения. Исключением были национальные автономии (республики и области). Из 24 автономий коренные народы занимали первое место в 19 своих территориях, а их языки главенствовали над языками других народов, проживавших в национальных районах [41]. Это относится ко всем (за исключением Ойротской) автономным областям и к семи из одиннадцати автономным республикам (Татарская, Чувашская, Немцев Поволжья, Дагестанская, Казахская, Киргизская и Якутская АССР). Титульная нация и титульный язык, как правило, в количественном отношении являлись определяющими в той или иной автономии. Но были некоторые нюансы. В Адыгейско-Черкесской АО (в источнике – Адыгее-Черкесская АО [42]) на первом месте значатся черкесы и черкесский язык, в Ингушской – ингуши, но язык – чеченский, в Кабардино-Балкарской – кабардинцы, язык – черкесский, в Дагестанской – горцы и горские языки и т.д.

Это говорит о том, что в 1920-е гг. в национальных автономиях проживали близкие по происхождению, языку, религии, ментальности народы. Например, чеченцы и ингуши (вайнахи), чьи языки очень похожи. Адыгейцы, черкесы и кабардинцы также являются родственными народами. Адыгейцы и черкесы имеют общее самоназвание – адыгэ. Эти народы говорят на родственных языках. Черкесы и кабардинцы – на кабардино-черкесском, адыгейцы на близком к нему, но самостоятельном адыгейском языке. В материалах переписи населения 1926 г. адыгейцы как самостоятельная народность не выделялась. Они были включены вместе с черкесами в общую этническую группу «черкесы», проживавшую, в основном, в Адыгейско-Черкесской и Черкесской автономных областях. Вместе с тем в Переписи представлена родственная адыгейцам малочисленная этническая группа – убыхи. Адыгейцы присутствуют в переписи 1939 г. среди 57 «наиболее многочисленных национальностей» СССР. Но также вместе с черкесами -- «адыгейцы и черкесы». Несмотря на то, что со времени описываемых событий прошло около ста лет, родственные связи народов Северного Кавказа претерпели изменения, но, к счастью, разрушены не были [43].

Устойчивым явлением было то, что русские и русский язык оставались вторыми даже в национальных автономиях. Исключение составляли Ингушская АО, где русские были третьими по численности населения, а язык – на втором месте, Кабардино-Балкарская – четвертое место по национальности и языку, Карачаевская – шестое и четвертое, Северо-Осетинская – третье место по обоим показателям, Черкесская – пятое и третье места [44]. Тенденция к увеличению русского населения в субъектах республики продолжала нарастать и в последующие годы. Так, по переписи 1939 г. русские составляли большинство населения в 54 из 66 областей, краев, автономных республик и автономных областей РСФСР [45].

Вернемся к анализу развития этносов в 1920-е гг. Были национальные особенности в административно-территориальном делении Северо-Кавказского и Сибирского краев. В последнем существовало два округа, где первое место по численности населения и языку занимали хакасы (Хакасский округ) и украинцы (Славгородский округ) [46]. В октябре 1930 г. Хакассия получила автономию, но коренной народ вскоре перестал быть лидирующим в структуре населения. Если в середине 1920-х гг. в Хакассии хакасов и русских было примерно равное количество, то в конце 1930-х гг. русских в автономной области насчитывалось в пять раз больше, более 200 тыс. чел. [47].

В Северо-Кавказском крае в середине 1920-х гг. имелись четыре округа с преобладанием украинского населения и украинского языка (Донецкий, Кубанский, Таганрогский и Черноморский) [48]. Во-первых, это объясняется жизнью населения Донецкого и Таганрогского округов в условиях русско-украинского пограничья и наличия устойчивых семейных, родственных, экономических и иных связей с Украиной. Во-вторых, традиционно население кубанских станиц самоидентифицировалось с украинскими этносом. Это проявлялось в элементах материальной культуры, в том числе жилище, одежде, пище, изделиях народных промыслов. Говорили (и это в значительной мере сохранилось сегодня) сельские жители Кубани на «балачке», своеобразном синтезе украинского языка

и южнорусских диалектов. Попытки искусственно увеличить украинское население Кубани, принятые в середине 1920-х гг. (так называемая «украинизация»), не увенчались успехом. Украинцев в Краснодарском крае, по переписи 1939 г., насчитывалось около 150 тыс., или 5 % от общего количества жителей всех национальностей [49]. «Украинизация» в культурном отношении имела более весомые последствия в отличие от демографических показателей. Так, в Краснодарском педагогическом институте был открыт факультет украинского языка и литературы, в Краснодарской Ассоциации пролетарских писателей существовала сильная украинская секция, на украинском языке издавались газеты, художественные произведения, ставились спектакли.

Важной особенностью регионов России в 1920-е гг. была их многонациональность. Несмотря на то, что русские составляли более 73 % от общего числа жителей республики, остальные народы играли важную роль в социально-экономическом и культурном развитии. Несколько народов проживало во всех губерниях, краях, области и национальных автономиях. Это три восточнославянских народа – русские, украинцы, белорусы, а также татары (казанские), евреи, поляки, немцы и цыгане*. Такое рассредоточение по субъектам республики данных народов объясняется разными причинами, прежде всего, историческими. Немцы и поляки являлись потомками переселенцев XVIII–XIX вв., осваивавших огромные пространства Российской империи. Если немцы в основном обитали в сельской местности и занимались сельским хозяйством, то поляки преимущественно являлись специалистами (инженеры, врачи, учителя) и проживали в городах. После отмены «черты оседлости» в 1917 г., запрещавшей начиная с 1791 г. проживание евреев за пределами западных и юго-западных губерний Российской империи, их значительные группы стали переселяться в другие районы. Этот процесс получил значительный размах в 1920–1930-е гг. Цыгане, которые вели кочевой образ жизни, присутствовали практически во всех регионах страны. В дальнейшем, большая часть цыган перешла на оседлость, но в 1920-е гг. этот процесс еще не начался [50]. Проживание указанных народов на всей территории страны объясняется также трудовой миграцией, изменением границ РСФСР в 1920-е гг. и др.

Обратимся к характерным примерам распределения народов на территории республики и их особенностям. В переписи 1926 г. все субъекты были сгруппированы в 19 районов (регионов), куда входили те или иные губернии, края и национальные автономии, похожие по составу населения, социально-экономическому развитию и другим параметрам. Иногда территории районов (регионов) совпадали с территориями тех или иных субъектов федерации. Как уже говорилось, в их большинстве проживали русские, за исключением национальных республик и областей. Часто русское население составляло 90 % и более от общего числа жителей территории. Но были и свои рекордсмены. Так, в Вологодской губернии проживало 99,6 % русских, во Владимирской – 99,4, Ивано-Вознесенской – 99,3, Орловской – 99,1, Тамбовской – 99,1 % [51] и т.д. В Архангельской губернии, входившей в Северный район, кроме русских, проживали зыряне (позднее, в переписи 1939 г. зырян и пермяков объединили в одну этническую группу – коми), самоеды (более позднее название – ненцы), евреи, татары, украинцы, поляки, латыши. В Ленинградской губернии (Ленинградско-Карельский район) также проживали финны ленинградские, евреи, эсты, поляки, немцы, латыши, белоруссы, ижорцы, украинцы, вепсы, финны, татары, литовцы, мишкари, карелы, в Смоленской губернии (Западный район) – евреи, белоруссы, латыши, поляки, украинцы, цыгане, литовцы, немцы, в Ивано-Вознесенской губернии (Центрально-промышленный район) – татары, белоруссы, евреи, украинцы, поляки, мордва, эсты, в Орловской губернии (Центрально-черноземный район) – евреи, белоруссы, поляки, немцы, латыши, цыгане, татары, в Вятской губернии (Вятский район) – марийцы, вотяки, татары, пермяки, бесермяне (в дальнейшем отнесены к удмуртам), евреи, поляки, цыгане, в округах Уральской области (Уральском районе) – украинцы, татары, белоруссы, мордва, чувашаи, казахи, поляки, эсты, цыгане, евреи, латыши, зыряне и другие народы. В Оренбургской губернии (Средне-Волжский район) проживали, кроме русских, украинцы, татары, казахи,

* В этот перечень не включены армяне. В современной России они присутствуют в большинстве субъектов. Это в конце XX в. стало следствием глобальных миграционных процессов, вызванных политическими кризисами, войнами и природными катастрофами (землетрясение в Спитаке, развал СССР, война в Нагорном Карабахе и т.д.).

мордва, немцы, башкиры, евреи, белоруссы, в Астраханской губернии (Нижне-Волжский район) – татары, казахи, украинцы, евреи, калмыки, армяне, немцы, персы, поляки, туркмены.

Границы Башкирского района совпадали с Башкирской АССР, Крымского – с Крымской АССР, Дагестанского – с Дагестанской АССР, Казахского и Киргизского районов – соответственно с Казахской и Киргизской АССР, Сибирского района – с Сибирским краем, Северо-Кавказского района – с Северо-Кавказским краем, Бурят-Монгольского района – с Бурят-Монгольской АССР, Якутского района – с Якутской АССР, Дальневосточного района – Дальневосточным краем. Последний был весьма, полиэтничным. На его огромных просторах проживали русские, украинцы, корейцы, белоруссы, тунгусы (так раньше именовали эвенков и эвенков), чукчи, буряты, поляки, евреи, коряки, татары, гольды, камчадалы, гиляки, китайцы, молдоване, мордва, латыши, немцы, эсты, удехе, ламуты, литовцы, цыгане, румыны, ороганы, якуты, чувашаи, орочи [52].

Многонациональными в 1920-е гг. были города, прежде всего, столичные – Москва и Ленинград. В 1930-е гг., в связи с быстрыми темпами индустриализации и урбанизации, городское население резко увеличивается, разнообразнее становится и его национальный состав [53]. Учитывая основные народы, проживавшие на территориях республики, перепись 1926 г. выделяла ещё две категории – «иностранцы» и «прочие». В состав «прочих» входили, как правило, народы проживавшие в субъектах РСФСР в небольшом количестве. Их доля составляла до 2 %.

Даже на фоне такого национального разнообразия был регион, отличавшийся уникальным представительством народов, проживавших на одной территории, в составе одной автономной республики. Это Дагестанская АССР, образованная в 1921 г. [54]. Перепись 1926 г. выявила в республике более тридцати коренных народностей и этнических групп: авары или аварцы, агулы, андии или андийцы, арчинцы, ахвахцы, багулалы (богулалы или кванадинцы), ботлихцы, годоберинцы, даргинцы, дидои или дидойцы (встречается наименование цезы), кайтаки или кайтагцы, каратаи или каратины, капучины, кубачинцы, кумыки, лаки или лакцы, лезги или лезгины, ногоайцы, рутулы или рутульцы, таты, тиндии или тиндалы, табасараны или табасаранцы, удины*, хварцины или хваршинцы, чамалалы, цахуры, чинухцы, бежтины или бештинцы, гунзебцы, акушинцы, хюркилинцы, цудахарцы, сирхинцы, муиринцы (последние пять диалектико-этнографических групп относятся к даргинцам), кюринцы, ахтынцы, кубинцы (относятся к лезгинам).

В последующие годы более мелкие народности и этнические группы включили в состав крупных народов. Например, кайтаки и кубачинцы слились с даргинцами. В категорию аварцев вошли четырнадцать народностей, родственных им по языку и др. [55]. В материалах Всесоюзной переписи населения 1979 г. были оставлены только десять народов Дагестана: агулы, аварцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, ногоайцы, рутульцы, табасараны, цахуры [56]. Это говорит не столько о процессах ассимиляции и этнической интеграции, сколько о том, что в условиях господства коммунистической идеологии, более важным для режима было обосновать искусственно формируемую аморфную общность «советский народ», чем сохранить уникальную самобытность десятков этносов с их языками, культурой, традициями, многовековой историей.

Краткие сводки, подготовленные после проведения переписи 1926 г., не выделяли коренные народы Дагестана, обобщив их под названием «горцы» и указав долю в структуре населения республики – 61,76 %. Удивительно, но кумыки и ногоайцы (в переписи 1939 г. ногоайцы в национальном составе населения СССР также были представлены в качестве самостоятельного этноса наряду с 57 основными народами СССР [57]), которых обычно относят к народам Дагестана, были даны в сводках отдельно. Их не включили в собирательное понятие «горцы». Также в Дагестанской АССР проживали русские, турки, чечены, ингуши, евреи горские, армяне, украинцы, персы, евреи, татары, немцы, туркмены [58]. С учетом категории «прочие» (0,62 %) в республике в 1920-е гг. обитало более 50 народов и этнических групп.

В любом государстве, жизнь в условиях этнической чересполосицы не может быть простой и безоблачной. Мы хорошо это знаем и помним по событиям 1980–1990-х гг., когда республики СССР, Югославии и других стран захлестнули волны межнациональных конфликтов. В 1920-е гг. также

* Удины являются одним из древних народов, населявших не только Дагестан, но и Россию в целом. Они приняли христианство задолго до крещения Руси.

было немало проблем и нерешенных вопросов в отношениях между народами. Но новая экономическая политика принесла оттепель не только в сферу социально-экономических, но и межэтнических отношений, культурного развития наций и народов. Этносы, даже малочисленные, имели возможность изучать свой родной язык, культуру, традиции, историю, сохранили свою веру. Работали национальные школы, дома культуры, храмы, мечети, костелы, синагоги. Активная борьба с религией и церковью, которую вели большевики в годы революции, гражданской войны и голода, поутихла, правда ненадолго. Рассмотрим жизнь этноса в 1920-е гг. на примере польской диаспоры Кубани.

Появление поляков на Кубани было связано, прежде всего, с расширением границ Российского государства. В составе казачьих отрядов, переселявшихся в кубанские земли по повелению Екатерины II с территорий, некогда входивших в состав Речи Посполитой, встречалось немало этнических поляков. С началом Кавказской войны (1817–1864 гг.) количество поляков – военных в регионе постоянно увеличивалось. По мере стабилизации социально-политической ситуации кавказские земли все более нуждались в специалистах самых разных направлений, что также способствовало увеличению числа польского населения гражданских профессий, желавших сделать карьеру в динамично развивающемся регионе империи [59].

По результатам Всероссийской переписи населения 1920 г. в Кубано-Черноморской области проживало 7 238 поляков [60]. Польскую диаспору Кубани отличали: преобладание мужского населения; некомпактное проживание, в основном, в городах; наличие значительного количества квалифицированных специалистов; высокая степень организации культурной и духовной жизни; активное желание не потерять свои этнические корни [61].

В 1920-е гг. религиозная и культурная жизнь польской общины Кубани формировалась вокруг римско-католических костелов. В конце XIX – начале XX в. на территории Кубанской области (основана в 1860 г.) и Черноморской губернии (основана в 1896 г.) был построен ряд римско-католических религиозных центров. Поляки сыграли решающую роль в создании и развитии четырех из них. Это Екатеринодарская приходская церковь во имя Розария Пресвятой Девы Марии (1893 г.), Новороссийский молитвенный дом во имя Святой Анны (1895 г.), Армавирский молитвенный дом Иконы Ченстоховской Божьей Матери (1909 г.), Майкопская филиальная церковь во имя Святого Антония Падуанского (1914 г.). В регионе были и другие молитвенные дома и церкви, однако в них ведущую роль играли представители других народов, исповедующих католицизм: в селениях вокруг Анапы и Новороссийска преобладали чехи и словаки, в селах Семеновка, Новониколаевка и Рождественское – немцы, а в станицах Крымской и Баталпашинской – армяно-католики [62].

Важной сферой проявления польского духа и традиций взаимопомощи стали организуемые при костелах римско-католические благотворительные общества, были открыты польские школы [63]. Так, в начале 1920-х гг. в г. Краснодаре была открыта польская школа № 30. Она занимала часть помещения римско-католического собора, располагавшегося на улице Графской (ныне – Советская). В школе проводились общие собрания поляков-краснодарцев. Заведующий школой в 1923–1925 гг. была Ядвига Казимировна Годзевич (урожденная Янковская). В Краснодаре был создан в это время городской клуб «Нацмен». В него входили представители диаспор, проживавших в городе. Клуб «Нацмен» свои заседания проводил в помещениях польской школы. В клубе с успехом работали драматический, музыкальный и политический кружки. Члены польской секции клуба «Нацмен» совместно с учителями польской школы ставили спектакли, устраивали концерты и семейные вечера*.

Как известно, смена политического курса в конце 1920-х гг. имела негативные последствия и по отношению к нацменьшинствам, повлияла на сохранение их численности и возможность развиваться. Так, в годы «большого террора» и проведения «польской операции» в 1937–1938 гг. были уничтожены практически все взрослые мужчины польского происхождения, проживавшие на Кубани. С 1926 по 1939 гг. польское население Краснодарского края сократилось в два раза [64].

* Городской клуб «Нацмен» был возрожден в г. Краснодаре в начале 1990-х гг. в форме Центра национальных культур. Организатором и первым его руководителем являлся автор этих строк. Сегодня в Центре насчитывается более 30 национальных обществ. Среди них – Польский национально-культурный центр «Единство».

В 1937 г. в Краснодаре был закрыт костел, его здание было переоборудовано в жилой дом. Большинство тех, кто имел отношение к костелу, были репрессированы [65].

Этносы России в 1920-е гг. находились на разных стадиях не только социально-экономического, но и культурного развития. Эти процессы, впрочем, очень тесно связаны между собой. Так, уровень грамотности* по переписи населения 1926 г. в России был низким и составлял лишь 40,7 % грамотных (52,3 % у мужчин и 30,1 % у женщин) [66]. Правда, в других советских республиках, кроме Украинской ССР, это уровень был еще ниже. Например, в ЗСФСР – 27,8 %, УзССР – 7,7 %, ТуркССР – 9,6 % [67]. В Российской Федерации у жителей городов уровень грамотности был значительно выше, чем у сельских жителей [68]. Мужчины были гораздо образованней, чем женщины. Самый высокий показатель грамотности был у мужчин (73 %), проживавших в городах, самый низкий – у сельских женщин (24,1 %) [69].

Перепись населения 1926 г. зафиксировала самый высокий уровень грамотности у представителей европейских народов, проживавших в СССР: у латышей – 74,5 %, эстов – 72,4, литовцев – 70,5, финнов – 76,0, финнов ленинградских – 70,5, немцев – 60,2, чехов и словаков – 74,3, сербов – 61,3, болгар – 51,5, румын – 56,4, греков – 50,3, албанцев – 46,5 % [70]. В переписи указана еще одна собирательная группа «англичане, шведы, голландцы, итальянцы, французы и мадьяры» (83,4 % грамотных), но в силу ее малочисленности (14 920 чел.) [71] она является лишь исключением и не может сопоставляться с народами, составлявшими большинство жителей СССР и РСФСР.

Высоким процент грамотности был у евреев (ашкеназов) – 72,3 %, евреев крымских – 58,2 % (другие ветви еврейского народа, проживавшие в СССР, имели более низкий уровень грамотности: евреи горские – 19,7 %, евреи грузинские – 32,8, евреи среднеазиатские (бухарские) – 25,0 %), ижоры – 60,9 % [72]. Рекорд образованности принадлежал малочисленному тюркоязычному народу (8 324 чел.), проживавшему в основном в Крыму – караимам**. У них уровень грамотности составлял 84,9 % и был одинаково высоким у мужчин и женщин. У восточнославянских народов (русские, украинцы и белорусы) показатели грамотности были намного выше, чем у большинства народов СССР и РСФСР***: у русских – 45,1, украинцев – 41,3, белорусов – 37,3 % [73]. Уровень грамотности зависел не только от степени развития того или иного этноса, места его проживания, но и от религиозности, традиций, достатка, семейного образования и других факторов. Так, домашнее образование, изучение родного языка были широко распространены у этнических немцев в ряде регионов России вплоть до 1970-х гг.

Ниже, чем у восточноевропейских народов, показатели грамотности были у этносов Поволжья: татар (включая черневых татар и кряшенов) – 33,4 %, башкир – 24,3, марийцев – 26,6, мордовцев – 22,9, чувашей – 30,7, вотяков (удмуртов) – 25,6 % [74]. В сельской местности показатели грамотности были значительно ниже, чем в городах, они резко снижаются и у мужчин, и у женщин с повышением возраста. Грамотных мужчин у народов Поволжья в 1920-е гг. было в 2–4 раза больше, чем грамотных женщин [75].

В плачевном состоянии по уровню грамотности находились нацменьшинства, населявшие окраинные районы России: народы Азиатского Севера, Северного Кавказа и Дагестана, Казахской и Киргизской АССР. Всесоюзная перепись населения 1926 г. объединила в группу «Народы Азиатского Севера»**** шесть этносов – гольды, чукчи, коряки, камчадалы, гиляки, эскимосы. Уровень их грамотности составлял 9,4 %. Примерно такая же картина была у тунгусов (эвены и эвенки) – 13,6 %,

* Подходы, определившие уровень грамотности, были весьма лояльными. Грамотным считался гражданин (начиная с 5-летнего возраста), умеющий читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке (См.: Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 245).

** Данные приводятся по СССР в целом.

*** Приводятся данные по СССР, без северных округов Якутской АССР и Туруханского округа Сибирского края.

**** В дальнейших переписях в эту группу включили еще больше малочисленных северных народов. Так, в материалах переписи населения 1939 г. была зарегистрирована группа «народы Севера». В них включили 26 этносов: ненцев, саами (устаревшее название – лопари), манси, ханты, эвенов, эвенков, чукчей, эскимосов, алеутов и др.

якутов – 6,3, остяко-самоедов и самоедов (ненцы) – 3,0 % и т.д. Исключение составляли буряты. Их индекс грамотности равнялся 23,2 % (у мужчин – 36,9, у женщин – 9,3%) [76].

Не лучше была картина у этносов Северного Кавказа. Цивилизация, остановившиеся у гор Кавказа, пятидесятилетняя война, депортация народов не способствовали проникновению грамотности в кавказские аулы, прежде всего, расположенные в горных и труднодоступных районах. Так, среди собирательной группы «горцы Дагестана» грамотных было всего 5,9 %, у других народов, проживавших в республике, примерно столько же: у татов – 5,9, кумыков – 11,1 % [77].

Другие этносы, населявшие автономии Северного Кавказа, также имели весьма низкий индекс грамотности: черкесы (черкесы и адыгейцы) – 16,9%, кабардинцы – 6,8, чечены и бацбии – 2,9, ингуши – 9,1, карачаи – 9,2, балкары – 5,3 % и т.д. Исключением, «кавказскими бурятами», являлись осетины, среди которых было 21,2 % грамотных. Среди киргизов грамотных было всего 4,6 %, среди казахов – 7,1 % [78]. Женщины народов, проживавших в окраинных районах России, были поголовно неграмотными. Уровень грамотных женщин у разных народов составлял от 0,3 % (киргизы и чечены) до 11 % (осетины) [79]. Это говорит о бесправии женщин этих народов, их низком социальном статусе и полной зависимости от мужчин. Образование в стране в 1920-е гг. не получило широкого развития. Система среднего и высшего образования только формировалась. Изменения начали происходить в 1930-е гг., но они были весьма скромными. В конце 1930-х гг. среднее образование имели 4,6 % населения, а высшее – 0,6 % [80].

Революционные идеи об институтах брака и семьи конца XIX – начала XX в. отчасти были воплощены в России после революции 1917 г. Секуляризация брака, провозглашенная в декретах «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и «О расторжении брака» (декабрь 1917 г.), подорвала правовую основу патриархальной семьи. Все дела о браке и разводе изымались из ведения церковных органов. В Семейном кодексе РСФСР 1918 г. провозглашалось, что «только гражданский (светский) брак, зарегистрированный в отделе записей актов гражданского состояния, порождает права и обязанности супругов» [81].

Все социальные, сословные, религиозные, национальные ограничения, связанные со вступлением в брак и его расторжением, отменялись. Закреплялось равноправное положение супругов в обществе, браке и семье. Женщина становилась юридически свободной. Эти прогрессивные нормы на практике воплощались очень медленно. Ранние браки, бесправие женщин, недобровольность вступления в брак, многоженство (в Средней Азии и на Северном Кавказе) оставались в 1920-е гг. массовым явлением. Вера, традиции, институты социального контроля, прежде всего у неславянских народов, долгие годы консервировали укоренившиеся модели брачного поведения.

Зарегистрированные гражданские браки не покрывали всех случаев возникновения фактических брачных отношений. Происходило это, в том числе, из-за дефицита мужчин на брачном рынке. Так, в 1923 г. в стране насчитывалось около 100 тыс. незарегистрированных (фактических) браков. Особенно такие браки были популярны у молодежи крупных городов. Это обстоятельство заставляло государство признать юридическую силу за фактическими браками. Данная правовая норма была зафиксирована в Кодексе законов о браке, семье и опеке, принятом в 1926 г. на сессии ВЦИК РСФСР. Новый Кодекс был введен в действие с 1 января 1927 г.

Институт фактического брака просуществовал в Советском Союзе с 1927 по 1944 г. и имел широкое распространение. Так, по переписи населения 1937 г. в СССР в браке состояло 64 561 843 мужчин и женщин. При этом мужей было на 1 459 159 чел. меньше, чем жён, состоявших в браке (или считавших себя таковыми). Это стало следствием легитимизации незарегистрированного брака, а также института многоженства, существовавшего в Казахстане, Киргизии, Дагестане и на Северном Кавказе, подлинные размеры которого установить весьма сложно [83].

В целом в 1920-е гг. институт семьи и брака в России не претерпел значительных трансформаций, несмотря на изменившиеся социальные условия и принятые законы. Большинство народов находилось на стадии традиционного типа воспроизводства населения (раннее вступление в брак, многодетные семьи, фактическое неприменение аборт, табу на разводы и т.д.). Традиционной была и роль женщины в семье и обществе. Старая система брачно-семейных отношений стала разрушаться позднее, в 1930-е гг., под влиянием политики индустриализации и коллективизации [84].

При этом нужно отметить, что не все вековые традиции и обычаи в сфере семьи и брака исчезли. Многие живы до сих пор, особенно у народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, у адыгейцев, проживающих в Республике Адыгея и Краснодарском крае, обязательной нормой поведения как для сельских, так и городских жителей, является полное отсутствие контактов между зятем и тещей, сохранились обычаи «кражи» (умыкания) невесты (как правило, по предварительной договоренности) и т.д.

До революции 1917 г. религия в Российской империи играла огромную роль. Прежде всего, православие, широко распространенное среди восточнославянских народов. Девиз, с которым шли в бой и умирали, содержал три святых, для православных людей, слова: «За веру, царя и отечество!» Мы видим, что на первом месте стояла вера. После революции ситуация изменилась. Атеистический курс государства, коммунистическая идеология, изменения границ привели к сокращению количества верующих. Однако в 1920-е гг. религиозные верования и убеждения в России играли большую роль. В стране исповедовали все ветви христианства: православие, католицизм, лютеранство, протестантство, армяно-грегорианство и др., мусульманство (магометанство), иудейство, буддизм и ламаизм, шаманство. Страна продолжала оставаться полиэтничной и многоконфессиональной. После всплеска агрессии периода революции, гражданской войны и голода 1921–1922 гг., в годы новой экономической политики наступило относительное затишье, государство лояльно относилось к религии и верующим. Это мы видели на примерах польской диаспоры Кубани. В 1920-е гг. в России наблюдалось несколько устойчивых тенденций. По понятным причинам увеличилось количество атеистов. Наблюдалась прямая зависимость уровня грамотности и верований. Доля верующих женщин (прежде всего у христиан) была выше, чем верующих мужчин. Очень популярны у православных были церковный брак, крестины, отпевание, празднование пасхи и других религиозных праздников. Так, доля церковных браков в 1922–1924 гг. у рабочих Нижнего Тагила составляла 40 % от общего числа заключенных брачных союзов [85].

Перелом наступил в 1929 г. Начавшаяся коллективизация и состоявшийся в июне 1929 г. II съезд Союза Воинствующих Безбожников привели к массовому закрытию культовых зданий, аресту священнослужителей и верующих. Были закрыты тысячи православных церквей, монастырей, молитвенных домов. Арестованы иерархи Русской Православной Церкви [86]. Гонениям подверглись все имевшиеся в Российской Федерации конфессии – мусульманство, иудейство и др. Каталитическая церковь в конце 1930-х гг. прекратила свое существование.

Подводя итоги демографическому развитию этносов России в 1920-е гг., отметим, что они существовали в относительно благоприятной политической, социально-экономической и культурной среде. Закончился период разрухи, войн, эпидемий и пандемий, кризисов и катастроф. Экзогенные факторы минимально влияли на демографическое поведение многочисленных этносов, проживавших в стране. Десятилетие демографического благополучия привело к стабильному приросту населения, снижению смертности, в том числе детской, победе над многими опасными болезнями. Двести российских этносов имели возможность изучать свой родной язык, историю, культуру, исповедовать традиционную религию. Это десятилетие можно назвать переходным от господства укоренившихся обычаев, традиций, ценностей, верований, институтов к новациям во всех сферах существования этносов, координально изменивших их уклад и качество жизни. К сожалению, этот «золотой период» был весьма непродолжительным, ему на смену пришел этап демографических кризисов, продолжившихся до середины XX в.

Источники и литература

1. Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. – Москва, 2001. – С. 157.
2. *Исупов В.А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / *В.А. Исупов.* – Новосибирск, 2000. – С. 71; Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. – Москва, 2006. – С. 448–451.
3. Демографическая модернизация России... –С. 401; Население России в XX веке. В 3-х т. – Москва, 2000. – Т. 1. – С. 130, 131, 133; *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 67–68 и др.
4. Россия и СССР в войнах XX века. – С. 142.

5. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 71.
6. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги / Под ред. Ю.А. Полякова. – Москва, 1992. – С. 20.
7. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72.
8. Там же.
9. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 67.
10. Родина. – 1990. – № 10. – С. 15.
11. Демографическая модернизация России... – С. 402, 580.
12. Об этом подробнее см.: *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 74–75.
13. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72; Демографическая модернизация России... – С. 262.
14. Демографическая модернизация России... – С. 262.
15. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72.
16. Демографическая модернизация России... – С. 262.
17. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 73.
18. Демографическая модернизация России... – С. 270–273.
19. *Исупов В.А.* Указ. соч. – С. 72–73.
20. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: Краткие сводки. Вып. III: Население СССР. – Москва, 1927. – С. 48.
21. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. III: Население СССР. – С. 53.
22. Там же. – С. 51.
23. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – Москва, 1928. – С. III–IV; Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – Москва, 2007. – С. 312.
24. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. – С. 312.
25. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. IV.
26. Там же. – С. III.
27. Там же. – С. IV.
28. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население / *Ю.А. Поляков.* – Москва, 1986. – С. 156; *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / *В.Б. Жиромская.* – Москва, 2001. – С. 75.
29. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 1.
30. Там же. – С. 22.
31. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 157.
32. См.: Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22 (расчет наш. – *С.К.*).
33. Об этом см.: *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 197–198.
34. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. V.
35. *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. / *Н.А. Араловец.* – Тула, 2009. – С. 48.
36. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. V.
37. Там же.
38. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14 (расчет наш. – *С.К.*).
39. Там же. – С. 16.
40. См.: *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 157–186; *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 74–79; *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 48–49 и др.
41. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 56, 57, 60, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 92, 94, 96.
42. Там же. – С. 78.
43. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 57, 58, 247, 248.
44. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 79, 80, 81.
45. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59–68.

46. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 92, 94.
47. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 94; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. С.60.
48. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 73, 74, 76, 77.
49. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59.
50. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 186.
51. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 43, 48, 49, 55.
52. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 42, 43, 44, 47, 49, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 68, 96, 97.
53. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги. Сборник документов и материалов. – С. 60–67.
54. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174.
55. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174; Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 246.
56. *Поляков Ю.А.* Указ. соч. – С. 174.
57. Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. – С. 59.
58. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV: Народность и родной язык населения СССР. – С. 81, 82.
59. Население и территория России: история и современность. – Москва–Самара, 2017. – С. 549.
60. *Кропачев С.А.* Мартиролог поляков Кубани. Репрессированных в ходе «польской операции» НКВД 1937–1938 гг. / *С.А. Кропачев, А.И. Селицкий.* – Майкоп, 2016. – С. 16.
61. *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. Начало 1930-х – середина 1940-х годов / *С.А. Кропачев // Проблемы российской истории и историографии.* – Майкоп, 2018. – С. 110.
62. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 11.
63. *Кропачев С.А.* Демографические потери населения СССР. – С. 122.
64. *Кропачев С.А., Селицкий А.И.* Указ. соч. – С. 20.
65. Там же. – С. 23.
66. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – Москва, 1928. – С. 95.
67. Там же. – С. 102, 105, 108, 109.
68. Там же. – С. 95.
69. Там же; *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 179.
70. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 86.
71. Там же.
72. Там же.
73. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 86.
74. Там же.
75. Там же (расчет наш. – *С.К.*); *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С. 181.
76. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VII: Возраст и грамотность населения СССР. – С. 87.
77. Там же.
78. Там же.
79. Там же.
80. Об этом подробнее см.: *Жиромская В.Б.* Указ. соч. – С.182–185.
81. Демографическая модернизация России... – С. 87.
82. Там же.
83. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Краткие итоги. – Москва, 1991. – С. 82.
84. См.: Демографическая модернизация России. – С. 86–91; *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 32–35 и т.д.
85. *Араловец Н.А.* Указ. соч. – С. 36.
86. Об этом подробнее см.: *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви 1917–1945. – Париж, 1977 и др.